

Графические работы архитектора Сергея Гладкова анализируются с точки зрения философии Витгенштейна. Сделано предположение, что тезис о ценности молчания может быть основанием для поиска новых архитектурных образов.

Ключевые слова: графика; Гладков; архитектура; Витгенштейн; молчание. /

The graphical works by architect Sergey Gladkov are analyzed from the point of view of Wittgenstein philosophy. The article makes an assumption that the thesis on the value of silence can be a basis for searching for new architectural images.

Keywords: graphics; Gladkov; architecture; Wittgenstein; silence.

Молчание архитектора / The Silence of the Architect

v Вода

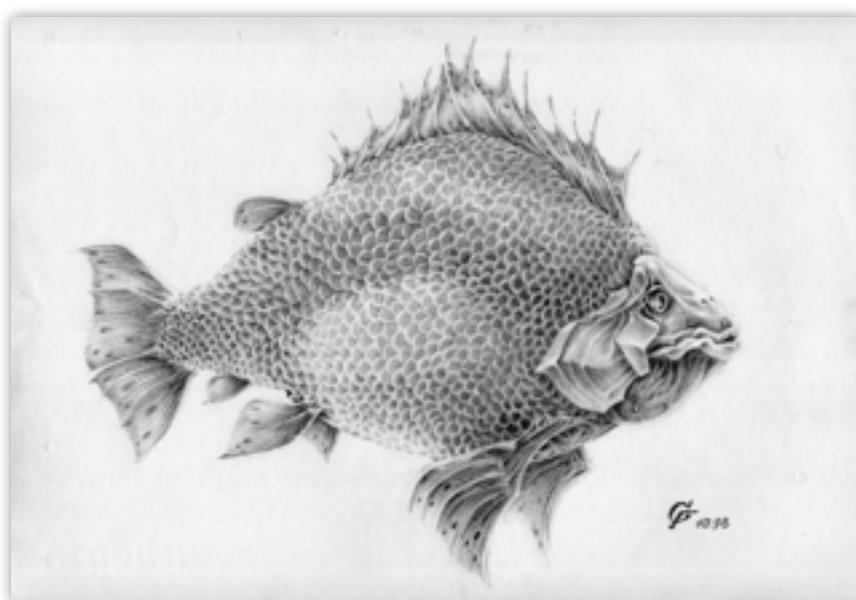

Один из самых значительных философов XX века Людвиг Витгенштейн прожил весьма разнообразную жизнь. В школе он учился в одном классе с Адольфом Шикль-грубером, впоследствии Гитлером. В начале Первой мировой войны пошел на фронт добровольцем, попал в плен. Находясь в лагере для военнопленных, сочинил «Логико-философский трактат», который опубликовал после возвращения домой. Трактат содержал новый взгляд на природу математического языка и соотношение научной картины мира с самим миром. Вместе с трудами Бертрانا Рассела эти идеи стали основанием современной компьютерной цивилизации. Пока изумленные европейские философы обсуждали фундаментальное произведение Витгенштейна, сам он пошел работать сельским учителем, полагая, что уже достаточно сделал для развития философии. Позже, уступив настоятельным предложениям, преподавал в Кембридже, но после начала Второй мировой войны бросил профессию ради работы санитаром в полевом госпитале.

Центральным тезисом новой философии можно считать положение о равнозначности знаков и предметов реального мира. Сегодня мы спокойно принимаем ситуацию, когда цифры на экране банкомата равны количеству вещей, которые мы можем купить. Привычно и повседневно мы обмениваем знаки на вещи. Но еще совсем недавно сама мысль о такой эквивалентности просто не укладывалась в голове. И, как всегда, новую философию помогало осваивать искусство.

Мысль о том, что высказывание равно предмету, первой восприняла европейская живопись – в основном благодаря трудам Кандинского, Малевича, Пикассо. Авангардисты не копировали яблоки и обнаженную натуру, они делали картины. Черный квадрат не изображает ничего, он сам по себе – вещь и факт. Новая живопись не рассказывает о предметах реального мира, а средствами живописного языка создает новые предметы. Точно так же компьютерные языки программирования создают высказывания, неотличимые от предметов – правда, предметы получаются виртуальные, но кому это теперь мешает?

Одной из центральных идей философии Витгенштейна стала мысль о ценности молчания. Слово, высказывание, вообще любой знак равнозначны и равноправны

^ Рыба
 < Насекомые
 v Шаман

ТЕКСТ
Константин Лидин /
 text
Konstantin Lidin

с фактами и предметами материального мира. То же, что не принадлежит к предметному миру – жизнь и смерть, их смыслы, счастье и страдание – не может быть выражено ни знаками, ни вещами. Необходимо молчание. Последний, седьмой афоризм «Логико-философского трактата» гласит: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». Таким мистическим, полным потенциальных смыслов Молчанием как раз и наполнен Черный квадрат.

Архитектура, к сожалению, так и не смогла освоить новую философию. Напротив, весь двадцатый век архитектурным языком высказывались некие идеи – социальные, политические, эстетические... Архитектура говорила «о чем-то», изображала «что-то», мучительно искала и не находила оснований для самоценности и самодостаточности. Вплотную к идеям «архитектуры как таковой» подошли японские метаболисты, но и они свернули с пути, не выдержав накала борьбы. В этом смысле архитектура двадцатого века так и не родилась.

Особенно не повезло в архитектуре образам Молчания. Каждый объект, строение, ансамбль пытается что-то поведать. Архитектурная среда считается полноценной, если она до предела насыщена знаками и символами. Архитектуроведы трудятся в том же направлении, придавая каждому объекту легенду, комментарии, разъяснения – вплоть до развешивания на фасадах специальных табличек с компьютерными кодами. Навел на табличку смартфон – и здание заговорило, принялось рассказывать о себе очередную историю. На каждом шагу среда города болтает тысячей языков, заставляя себя слушать все более изощренными приемами.

Графические работы Сергея Гладкова на первый взгляд тоже кажутся весьма разговорчивыми. Подробнейшая техника мелкой штриховки наполняет каждый сантиметр рисунка обильными деталями. Плотность детализировки почти как на гравюрах немецкого Ренессанса. Гротескные, странно искаженные образы складываются из многочисленных элементов, но связь их непрочна. Кажется, встряхни лист – и рисунок рассыплется на мельчайшие фрагменты, и они перемешаются, как кусочки пазла. Рисунки разнообразны и фантазийны, но есть у них и сквозная объединяющая тема. Они молчат.

> Арлекин

В большинстве работ есть узнаваемые образы – рыбы, насекомые, плоды. Молчаливые прототипы молчащих рисунков. Но даже в тех работах, где, вроде бы, изображены звучащие сцены, все равно присутствует явное ощущение беззвучности. Вот шаман, он колотит в бубен. Но его лицо превращается в маску, как на картинах кубистического Пикассо, в жесте рук нет удара, а приплясывающие ноги странно статичны. За его спиной сплошным строем встали стволы – то ли бамбука, то ли забора. И весь он на наших глазах превращается в знак или в набор знаков, а вопрос о смысле этих знаков повисает в воздухе. Что это все означает? Ничего. Нулевое значение по Расселу и Витгенштейну. Молчание.

Вот из каменной арки ворот выезжает целая компания скоморохов. Они вроде бы играют на скрипочке и дудочке, они пляшут, а лошадь весело тащит вперед их кибитку. Но все фигуры строго вертикальны, движения нет. Камни сплющены до состояния театральной декорации

(и даже уголок занавеса виден в углу рисунка). Да и сами музыканты повисли в воздухе, вопреки анатомии и физике. Они нематериальны, знаковы, условны. В рисунке нет музыки, нет движения, нет сюжета. Есть Молчание.

Причудливая Рыба лежит на дне, а над ней расцвел вроде бы лотос (или просто кувшинка). На рыбьем «лице» многозначительное выражение. Это иронично и забавно. Или грустно. Или это вовсе не рыба, а некая древняя тварь, целакант, трилобит. Или все это – узор, рябь на мелко заштрихованной плоскости. Молчание полно потенциальными смыслами, ни один из них не обязателен и все возможны.

Как часто в графике, в «конфешюшках» архитекторы выражают образы, которые не нашли воплощения в собственно архитектурных проектах. В рисунках Сергея Гладкова живет образ архитектуры другого качества. Архитектуры, молчащей так, как молчат скалы и леса, – не пытающейся говорить о том, о чем говорить невозможно.

v Натюрморт

v Руки

